

Антисемитская пропаганда на оккупированных
нацистами советских территориях:
историография и методика изучения вопроса

Пропонована стаття досліджує проблему антисемітської пропагандистської літератури на окупованих нацистами територіях. Головний акцент автор намагається зробити на історіографії досліджень з даної проблематики. На сьогодні це, мабуть, є найбільш детальний огляд з цього питання.

This article deals with the issue of anti-Semitic propaganda periodicals on the Nazi-occupied territories of the Soviet Union. The main emphasis is put on the historiography of the researches on the topic, giving perhaps the most detailed reviews of the literature on the problem concerned.

Целью нашей работы является не столько рассмотрение и введение в научный оборот новых фактов, имен и обстоятельств, сколько попытка рассмотреть те публикации, которые в последние годы появились в отечественной и зарубежной историографии указанной темы, выявить основные подходы, которые применяются в исследовании, и подведение промежуточного итога этого этапа исследования.

В советской историографии антисемитский аспект в пропагандистской деятельности нацистов на оккупированных советских территориях не рассматривался — это было вызвано нежеланием партийно-идеологических органов напоминать, пусть и косвенно, что в оккупационной

пропаганде советская власть могла рассматриваться как результат еврейского господства. Кроме того, более подробный анализ отражения «еврейского вопроса» повлек бы за собой признание исключительности участия евреев в занятых немцами областях, что противоречило бы устоявшемуся взгляду на оккупационный режим как одинаково жестокий по отношению ко всем. Например, в работе Юденкова А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.) (М., 1971), в разделе «Содержание и формы фашистской пропаганды среди населения захваченных советских территорий» (С. 52–80), при подробном анализе пропагандистской модели и ее орга-

низационных аспектов пропагандистской антисемитской деятельности посвящены две строчки.

Несмотря на заметную активизацию за последние пятнадцать лет на постсоветском пространстве исследований в области истории Холокоста, один из аспектов этой темы — нацистская антисемитская пропаганда — некоторое время оставался незатронутым. Причиной этому было то, что внимание исследователей концентрировалось поначалу на «экстерминационном» аспекте Холокоста, на вопросах организации немецкого аппарата уничтожения, спасителях и коллаборационистах; на этом фоне вопросы об антисемитской пропаганде, ее организационном и содержательном аспектах, идеологемах, влиянии на оставшееся в оккупации советское население представлялись не столь значительными. В последние годы, однако, интерес к теме возрос, результатом чего стало появление заметного количества (на сегодняшний день — более тридцати) публикаций как западных, так и отечественных ученых. Необходимо отметить, что этот процесс происходит на фоне роста общего интереса к оккупационной прессе, который выражают украинские, российские и белорусские исследователи: сегодня нам известны около сорока публикаций (главным образом — в Украине), авторы которых помещают в центр рассмотрения оккупационные СМИ и подвергают анализу либо те, либо иные аспекты их деятельности.

Начнем с рассмотрения последних. Это исследования, появившиеся в рамках украинской институциональной историографии. Анализ этих работ мы считаем необходимым по следующей причине: несмотря на

то, что их авторы не концентрируются на анализе антисемитских материалов (а возможно, порой и намеренно воздерживаются от этого), эти работы могут являться своего рода «контекстом» для исследователей антисемитской пропаганды; в них рассматриваются такие важные формальные аспекты, как условия возникновения и дальнейшего функционирования СМИ, формы и методы контроля оккупационных властей над прессой, взаимоотношения между представителями оккупационной администрации и местными журналистами. Если говорить об Украине, то на сегодняшний день, судя по количеству публикаций, наиболее интенсивно изучение периодики оккупационного периода проходит вокруг двух регионов: Львова и Донецка.

В Западной Украине большой толчок к развитию штудий по прессе дают ежегодные конференции «Українська періодика: історія і сучасність», которые проводятся Центром изучения периодики при Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника. Часть докладов и материалов в издающемся по итогам конференции сборнике неизменно посвящена украинской прессе оккупационного периода. Авторы, работающие в этом направлении — Н. Антонюк¹, Т. Борисенко²,

¹ Антонюк Н. Проблеми функціонування західноукраїнської преси періоду Другої світової війни // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. п'ятої Всеукр. наук.-теорет. конф. (27–28 листопада 1998 р.) / За ред. М. М. Романюка. — Львів, 1999. — С. 353–358.

² Борисенко Т. «Краківські вісті» — український часопис Холмщини та Підляшшя // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. шостої Всеукр. наук.-теорет. конф. (11–13 травня 2000 р.) / За ред. М. М. Романюка. — Львів, 2000. — С. 306–310.

Л. Савицкий³, М. Чиркова⁴, О. Луцкий⁵, В. Лизанчук⁶. Набор общих подходов к освещению темы и задач, которые ставят перед собой исследователи, позволяет выделить эти работы в отдельную группу. Прежде всего — это помещение в центр внимания вопроса об украинских национальных интересах в период нацистской оккупации, вопроса о положении украинского национального движения, о степени успеха или неудачи в попытках украинских деятелей придерживаться независимой линии в условиях контроля со стороны оккупантов, о культурно-про-

³ *Савицкий Л.* Вплив української преси на формування національної свідомості населення Кам'янець-Подільської області під час фашистської окупації (1941–1944 рр.) // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. шостої Всеукр. наук.-теорет. конф. (11–13 травня 2000 р.) / За ред. М. М. Романюка. — Львів, 2000. — С. 164–167.

⁴ *Чиркова М.* До питання про історію миргородської газети окупаційного періоду // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. шостої Всеукр. наук.-теорет. конф. (11–13 травня 2000 р.) / За ред. М. М. Романюка. — Львів, 2000. — С. 167–169; *Чиркова М. Ю.* Полтавська преса періоду німецько-фашистської окупації як засіб відродження національної самосвідомості українців та підвищення їх культурного рівня // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. п'ятої Всеукр. наук.-теорет. конф. (27–28 листопада 1998 р.) / За ред. М. М. Романюка. — Львів, 1999. — С. 399–401.

⁵ *Луцкий О.* Офіційна україномовна преса Галичини періоду німецької окупації (1941–1944 рр.): умови і проблематика публікацій // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. третьої Всеукр. науково-теорет. конф. (22–23 грудня 1995 р.) / Ред. кол.: М. М. Романюк (відп. ред.) та ін. — Львів, 1995. — С. 105–110.

⁶ *Лизанчук В.* Газета «Станіславівське слово» (1925–1944 рр.) // Збірник праць Науково-дослідного центру періодики / За ред. М. М. Романюка. — Львів, 1996–1997. — Вип. III/IV. — С. 418–436.

светительских функций, выполнявшихся газетами. Как правило, авторы не принимают в рассмотрение положение национальных меньшинств (в том числе — еврейского) и не анализируют, как отражалась их судьба на страницах изданий. Характерно, что в упомянутых работах отсутствует сам термин «оккупационная» в отношении периодики — то есть, авторы подразумевают, что украинская интеллигенция боролась за, хотя бы и жестко ограниченную, но все же существовавшую возможность преследовать цели национального развития, сохранения украинской тематики и национального содержания, чтобы, как писал один из авторов, «способствовать пробуждению национального самосознания». Иными словами, газеты рассматриваются «не как немецкие газеты на украинском языке, а как украинские газеты, существовавшие в немецких условиях»⁷, что, на наш взгляд, является методологическим упрощением: объективно говоря, СМИ функционировали отнюдь не только как результат позволения нацистскими властями украинской интеллигенции проводить просветительскую деятельность; их назначение было куда более сложным. Таким образом, круг исследовательских задач, поднимаемый вышеназванными авторами, узок, он сводится к освещению культурно-образовательной функции украинских периодических изданий и не затрагивает таких тем, как идеологический вклад немецкой стороны, не содержит всестороннего анализа пропагандистской модели, реализованной на страницах прессы. Не рассматривая таковую, авторы,

⁷ Выражение В. Кубийовича относительно газеты «Краківські вісті».

разумеется, ни строчки не говорят о массиве антисемитских публикаций, помещавшихся в периодике. Тем не менее, как уже упоминалось, эти работы важны с точки зрения содержащихся в них сведений об условиях возникновения и функционирования прессы оккупационного периода Украины. Лишь одна совсем недавно появившаяся работа Фаины Рябчиковой «Антисемитская пропаганда на страницах газеты «Ковельские вести» содержит не только констатацию факта антисемитской направленности легальных украиноязычных изданий Волини, но и подробный анализ его содержания»⁸.

Вышеназванные пробелы, однако, в какой-то степени заполнены несколькими исследованиями, преимущественно зарубежных ученых. Работа по подробному анализу организации пропагандистских структур на территории Генерал-губернаторства (в том числе и дистрикта Галиция) была выполнена польским эмигрантом, впоследствии американским историком Люсианом Доброжицким в книге «Змеиная журналистика»⁹. Его книга посвящена преимущественно рассмотрению легальной польскоязычной прессы в период нацистской оккупации; вместе с тем в работе проанализированы

структуры Департамента общественного просвещения и пропаганды, офиса прессы как его части, деятельность пресс-шефов, которые курировали также и прессу национальных меньшинств в Генерал-губернаторстве, в том числе и украинскую. Автор рассматривает постепенно сложившуюся централизованную схему распространения материалов для публикаций в польско- и украиноязычной прессе (агентство «Телепресс», из которого, по наблюдениям автора, исходило до 60% публикаций в местной прессе, не считая рекламных объявлений). Доброжицкий также констатировал факт интенсивности антисемитских публикаций в содержании газеты «Львівські вісті» в течение одной произвольно взятой недели (25–31 августа 1941 г.), однако более подробного рассмотрения эта тема у него не получила.

Более подробное рассмотрение антисемитских публикаций в прессе Западной Украины было осуществлено в украинской историографии в книге Жанны Ковбы «Человечность в бездне ада», в рамках исследования оценки нееврейского поведения Галиции по отношению к евреям в годы Холокоста¹⁰. Автор выделила блок публикаций на еврейскую тематику из общего массива материалов в газете «Львівські вісті» и провела их классификацию: 1) материалы пропагандистского характера; 2) административно-распорядительные материалы. Автор констатировала различие в антисемитских идеологиях, ориентированных на польскую и украинскую читательскую

⁸ *Рябчикова Ф.* Антисемітська пропаганда на сторінках газети «Ковельські вісті» (1942–1944 рр.) // *Минуле і сучасне Волині і Полісся. Ковель і ковельчани в історії України і Волині. Матеріали XII Всеукраїнської наукової історико-краєзнавчої конференції, присвяченої 12-й річниці Незалежності України і 485-й річниці надання Ковелю Магдебурзького права. Збірник наукових праць. У 2-х частинах. Ч. 1.* — Луцьк, 2003. — 342 с., іл.

⁹ *Dobroszycki L.* Reptile Journalism. The Official Polish-Language Press under the Nazis, 1939–1945. — New Haven, 1994.

¹⁰ *Ковба Ж.* Людяність у безодні пекла. Поведінка місцевого населення східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання». — К., 1998. — С. 87–92.

аудиторию, отметила ее прагматический характер. Немаловажной представляется оценка автором степени эффективности антиеврейской пропаганды — к этому вопросу мы вернемся ниже.

Еще более подробное рассмотрение антисемитских публикаций в украинской прессе осуществлено двумя зарубежными авторами, работы которых появились в середине 1990-х гг. Канадский исследователь Джон-Пол Химка в работе «Краковские вести и евреи»¹¹ не только рассмотрел цикл статей по еврейскому вопросу, который поместила газета начиная с мая 1943 г. на своих страницах, но также благодаря сохранившемуся редакционному архиву охарактеризовал позицию редакции по этому вопросу, круг авторов, которые приняли участие в этом и, что еще более немаловажно, тех авторов, которые все же отказались писать антисемитские сочинения, несмотря на условия выбора, в которые газета была поставлена нацистским руководством (конкретно — шефом прессы в Генерал-губернаторстве Эмилем Гасснером). Автор также классифицировал напечатанные материалы по принципу преобладания той или иной аргументации в статьях (экономической, политической, расовой) и объяснил причины доминирования данного видения «еврейского вопроса» различными представителями украинской интеллигенции, приняв во внимание контекст украинско-еврейских взаимоотношений в регионе задолго до периода Второй миро-

вой войны. Сосредоточив внимание на оригинальных статьях, Химка не уделил внимание заимствованиям, которые могли быть также использованы редакцией; проанализированные автором материалы требуют также систематизации не только по содержательному, но и по формальному принципу; уместным было бы также охарактеризовать то место, которое антисемитские пропагандистские материалы занимали в общем объеме публикаций.

Несколько иной подход к изучению антисемитских публикаций в дистрикте Галиция продемонстрировал исследователь Генри Абрамсон в работе «Это было так!»: «Текстуальные и изобразительные образы евреев в пронацистской украинской прессе дистрикта Галиция»¹². Если Дж.-П. Химка попытался воссоздать ситуацию, в которой стало возможно появление публикаций, как бы «изнутри», благодаря редакционным документам и переписке с авторами, то Г. Абрамсон предпринял попытку охарактеризовать антисемитскую пропаганду на страницах газеты «Львівські вісті» только по конечному продукту — исключительно по материалам, увидевшим свет, без привлечения дополнительных источников (забегая вперед, отметим: такой подход характерен для большинства работ на современном этапе в силу того, что исследователям в большинстве случаев недоступны, если они вообще сохранились,

¹¹ *Himka J.-P. Krakivski visti and the Jews, 1943: A Contribution to the History of Ukrainian-Jewish Relations during the Second World War // Journal of Ukrainian Studies, vol. 21: 1-2. — Toronto, 1966. — Summer-Winter. — P. 81-95.*

¹² *Abramson H. «This is the way it was!» Textual and Iconographic Images of Jews in the Nazi-Sponsored Ukrainian Press of District Galizien // Why Didn't The Press Shout? American International Journalism During the Holocaust (Papers of a conference held in 1995 at Yeshiva University). — Jersey City, 2003. — P. 537-556.*

внутренние редакционные документы). Весь массив публикаций автор подразделяет на три формальные группы: 1) объемные теоретические статьи; 2) короткие информационные сводки о положении евреев в разных частях света; 3) антисемитские карикатуры. Интересно, что последняя группа автором подвергается наиболее пристальному рассмотрению, и из всего комплекса карикатурных изображений он, в свою очередь, выделяет три тематических направления: 1) «евреи владеют миром и финансово контролируют неевреев»; 2) «страны-члены антигитлеровской коалиции — марионетки евреев»; 3) «евреи составляют опору советского режима». Отмечая последнюю тенденцию, автор подмечает факт частого изобразительного отождествления Сталина с утрированным семитским типом, в то время как образы Рузвельта и Черчилля такому отождествлению не подвергались.

В качестве отдельного жанра, несшего на себе антисемитскую нагрузку, исследователем из Латвии Дмитрием Олехновичем также были рассмотрены карикатуры в оккупационной прессе Латгалии¹³. Автор подметил ту же особенность, что и Г. Абрамсон. Предварительное сравнение данных об использовании карикатур на территориях, присоединенных к СССР после пакта 1939 г., с территориями в старых границах СССР открывает любопытную закономерность: в той местности, где советская власть утвердилась задол-

го до оккупации, карикатуры на Сталина публиковались регулярно и зачастую в образе прислужника мирового еврейского капитала, но до прямого художественного отождествления «отца народов» с утрированным семитским изобразительным типом не доходило — нацисты знали меру и отдавали себе отчет в том, до какой степени они могут провести это отождествление. А на территории, незадолго до войны присоединенной к СССР, там, где советские идеологические установки не успели укорениться в сознании населения, карикатуры на Сталина в образе еврея публиковались регулярно: с использованием семитских черт, либо в характерной для местного еврейства одежде и т.п.).

Что касается прессы восточных регионов Украины, находившихся под управлением военной, а не гражданской администрации (что наложило определенное впечатление на организацию пропагандистской деятельности), и отражения этой темы в историографии, здесь за последнее время также произошли изменения. В 2003 г. Дмитрием Титаренко была защищена диссертация «Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело»¹⁴. В работе рассматриваются

¹³ Олехнович Д. «Сталин — еврей?» Карикатуры в газете «Двинский вестник», 1942–1944 гг. // Материалы 9-й ежегодной конференции по иудаике. Тезисы. — М., 2002. — С. 202–203.

¹⁴ См. также: Титаренко Д. Питання українознавства у висвітленні окупаційної преси Донеччини (1941–1943 роки) // Музейні засоби з народознавства: Матеріали обласного семінару / Відп. ред. Т. Ілляшенко. — Донецьк, 1998. — С. 47–49; Його ж. Висвітлення взаємовідносин України та Німеччини на сторінках окупаційної преси Донбасу (1941–1943 рр.) // Вопросы германской истории: Сб. науч. ст. / Ред. кол.: С. Бобылева (отв. ред.) и др. — Донецьк, 2000. — С. 43–49; Його ж. Діяльність «Простіти» на Донеччині в період німецько-фашистської окупації // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. — 2000. —

периодические издания Донецкой, Луганской и Харьковской областей. В связи с нашей тематикой особенно интересен второй раздел работы, в котором исследуются условия возникновения и функционирования прессы: рассматриваются немецкие структуры, ответственные за учреждение газет; подчиненность газет; редакции и их состав; механизм распространения печатной продукции; судьбы редакторов и местных журналистов и их мотивации при сотрудничестве с оккупантами. Однако и тут стоит отметить, что, сосредоточившись на информационной функции, выполнявшейся прессой, автор не затронул вопроса о том, как, насколько события Холокоста были отражены на страницах изданий. Не подверглась также рассмотрению и пропагандистская функция прессы: в работе нет как общего анализа пропагандистской модели, реализованной на страницах прессы, так и ее антисемитского аспекта.

Пропагандистская деятельность в оккупированном Днепропетровском

регионе была рассмотрена в небольшой работе проф. Виктора Клеца¹⁵. Характеризуя пропагандистскую модель и, в особенности, массив публикаций о фольксдойче в регионе, автор отмечает также, что «тема «жидо-большевизма» является едва ли не самым главным лейтмотивом публикаций». Однако более подробного рассмотрения антисемитского массива статей, равно как и организации пропагандистского аппарата, местных журналистов автор не делает. В выводе автор приходит к заключению о практически полной зависимости прессы, как в организационном, так и в содержательном плане, от оккупационных структур. Этот вывод подталкивает к проблематике, которая на сегодняшний день практически не исследована: различие в организации пропагандистской деятельности между зонами военной и гражданской администрации на оккупированных советских территориях. Как известно, специфика этого явления заключалась в том, что в восточных областях значительное (а порой — определяющее) влияние в организации идеологической обработки населения играли не гражданские структуры Министерства оккупированных восточных территорий А. Розенберга (с его отделами, такими как Отдел народного просвещения и пропаганды), и не Министерства пропаганды Й. Геббельса, а войска пропаганды вермахта (конкретно — отдел пропаганды при ОКВ, передвижные подразделения — как роты пропаганды, и стационарные

№ 1. — С. 224–230; *Його ж.* Окупаційна преса Донбасу як джерело з історії культури регіону // Вісник Харківської державної академії культури: Зб. наук. праць. Вип. 4. / Ред. Н. М. Кушнаренок. — Харків, 2001. — С. 191–198; *Його ж.* Офіційна преса Донеччини в період німецько-фашистської окупації (1941–1943 рр.) // Зб. праць Науково-дослідного центру періодики. — Львів, 2000. — Вип. 8. — С. 199–212; *Його ж.* Преса східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941–1943 рр.): Дис. на здобуття наукового ступеня канд. іст. наук (на правах рукопису). — Донецьк, 2002; *Його ж.* Умови виникнення та функціонування окупаційної періодичної преси Східної України (1941–1943 рр.) // Матеріали доповідей вузівської наукової конференції... Історичні науки, політологія, міжнародні відносини і філософія / Ред. П. В. Добров. — Донецьк, 2001. — С. 84–87.

¹⁵ Клец В. Днепропетровская пресса оккупационного периода в русле осуществления оккупационной политики // Вопросы германской истории. Сб. науч. тр. — Донецк, 2002. — С. 112–119.

образования — штабы пропаганды), опосредованно взаимодействовавшие с двумя первыми. Пробел в исследованиях, касающихся деятельности этого образования, был заполнен исследованием израильского исследователя Дэниэля Узиля «Подразделения пропаганды вермахта и евреи»¹⁶. Проследив этапы формирования войск пропаганды и их подчиненность, автор проследил деятельность рот пропаганды (в том числе и на восточных территориях), указал на долю антисемитских материалов в распространявшейся ими среди гражданского населения информации (по подсчетам автора — до девяти процентов). Характеризуя антисемитскую пропагандистскую доктрину, которая была сконструирована войсками пропаганды вермахта в сотрудничестве с Министерством пропаганды и распространялась на востоке, автор подчеркивает, что это была в основном не экономическая, расовая или религиозная, а политическая доктрина (тезис о «жидо-большевизме»).

Сходной тематике — а именно, участию подразделений вермахта в пропагандистской деятельности — посвящены страницы монографии Роберта Эдвина Герцштейна «Война, которую выиграл Гитлер»¹⁷. На примере одного региона — Орловской области — этот же автор подробно рассматривает методику организации вермахтом пропагандистской деятельности в статье «Антиеврейская пропаганда в Орловском регио-

не России: 1942–1943 гг.»¹⁸. Здесь же автор исследует последовательность, по которой происходило открытие газет, а также причины привлечения оккупантами к пропагандистской деятельности коллаборантов из числа местного населения. Интересны результаты этого исследования и потому, что автор описывает схему распространения пропагандистских — в том числе и антисемитских, материалов по каналам вермахта, от момента их появления в недрах различных германских учреждений (Институт изучения еврейского вопроса во Франкфурте; Отдел «Ост» Министерства пропаганды; служба «Weltdienst» А. Розенберга, которая издавала статьи для использования в прессе дважды в неделю на восемнадцати языках, включая русский; Центральный отдел образования НСДАП под руководством Р. Лея) до отдельной оккупационной газеты при посредничестве служащих рот пропаганды и офицеров отделов «Ic» штабов армий. Антисемитские материалы одного из таких изданий — публикации службы «Ostraum-Artikeldienst», функционировавшей в рамках отдела «Ост» Министерства пропаганды, но распространявшегося через отделы и штабы пропаганды вермахта — были рассмотрены в нашем небольшом исследовании¹⁹. В этой работе автор также провел сопоставление статей, содержащихся

¹⁶ *Uziel D. Wehrmacht Propaganda Troops and the Jews.* — *Yad Vashem Studies.* — Vol. XXIX. — Jerusalem, 2001. — P. 27–63.

¹⁷ *Herzstein R. E. The War that Hitler won: Goebbels and the Nazi media campaign.* — New York, 1987 (русский перевод: *Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер.* — Смоленск, 1997).

¹⁸ *Herzstein R. E. Anti-Jewish Propaganda in the Orel Region of Great Russia, 1942–1943: The German Army and Its Russian Collaborators.* — Los Angeles. — Vol. 6. — P. 33–55.

¹⁹ *Тяглый М. И. К вопросу о нацистской антисемитской пропаганде на оккупированных территориях СССР: новые источники // Голокост і сучасність (Вестник «Украинского центра изучения истории Холокоста»).* — 2000. — № 4. — С. 6–7.

в бюллетене, с публикациями в газетах оккупированного Крыма и выявил факты прямых заимствований материалов из бюллетеня. На наш взгляд, дальнейшая работа по выявлению перепечаток публикаций из такого рода источников информации в местных газетах различных регионов помогла бы не только составить более полное представление о степени оригинальности региональной прессы, но лучше понять, каким был уровень активности местных журналистов: что из предложенного им они могли (или должны были) принять и использовать в своей работе, а что они считали неприемлемым размещать на страницах своих газет. Это, в свою очередь, позволит составить представление о том, каким местные журналисты видели «еврейский вопрос» и насколько активными они были в период его «окончательного решения».

Возвращаясь к началу периода исследований нашего вопроса, необходимо отметить, что значительный импульс разработке проблематики в середине 1990-х гг. был придан реализацией проекта по составлению базы данных оккупационных периодических изданий и антисемитских публикаций в них. Проект проводился Российским Центром «Холокост» (Москва). В ходе проекта были охвачены периодические издания России, Украины и Белоруссии; зафиксировано 424 издания и 5529 антисемитских публикаций в них; проведена классификация публикаций по жанровому составу (выделены 23 жанра), собран корпус имен, псевдонимов и криптонимов, которыми подписывались публикации и проч. К сожалению, данные, собранные в ходе этого широкомасштабного проекта, до сих

пор не опубликованы. Результаты предварительного анализа материалов, поступивших в ходе проекта, были изложены Ильей Альтманом²⁰. В отличие от многих других исследований, в которых антисемитская доктрина в пропаганде рассматривается изолированно, без связи с другими направлениями идеологической обработки населения, автор этой работы руководствовался иным концептуальным подходом, в соответствии с которым цели антисемитской пропаганды рассматриваются в контексте более широких задач нацистской идеологической машины: «основной задачей нацистской пропаганды была борьба против коммунистической идеологии, носителями которой объявлялись евреи». Здесь же автор охарактеризовал некоторые из направлений, в которых необходимо проводить дальнейший анализ оккупационной периодики, и очертил круг вопросов, на которые она может дать ответы.

К такого же рода начальным этапам освоения темы следует отнести материалы «круглого стола»: «Тень Холокоста: националистическая пропаганда (1941–1997 гг.)», состоявшегося в рамках II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия» 4–7 мая 1997 г. в Москве, по инициативе Российского Центра «Холокост»²¹.

На сегодняшний день в историографии вопроса накоплен уже зна-

²⁰ Альтман И. Холокост и пресса на оккупированной территории СССР // Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». — М., 1998. — С. 37–41.

²¹ Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия» (Москва, 4–7 мая 1997 г.). — М., 1998. — 304 с.

чительный опыт, который частично был охарактеризован выше. Практически все появившиеся за последние годы работы представляют собой исследование региональной специфики: в странах Балтии — это статьи Д. Олехновича²² (Латвия), А. Каспарявичуса о литовской прессе и отражении в ней «еврейского вопроса»²³; в Беларуси — глава в исследовании Е. Розенבלата и И. Еленской²⁴, В. Никитенкова (Брестский регион)²⁵, В. Жумаря²⁶, М. С. Рыв-

²² Олехнович Д. Антисемитская пропаганда в оккупационной прессе на территории Латгалии // Холокост в Латгалии. — Даугавпилс, 2003. — С. 20–31; *Его же*. Некоторые аспекты антисемитской пропаганды: частные рекламные объявления // Материалы Десятой Международной Междисциплинарной конференции по иудаике (М., 2003). В печати; *Olehnovics D. Karikatura ka «kara ierocis»: dazas tendences nacionalsocialistiskaja propaganda // Starptautiskas konferences «Latvija nacistiskas Vacijas okupācijas vara 1941–1945» materiāli / Latvijas Vesturnieku komisija. — Rīga, 2003.*

²³ Каспарявичус А. Литовская печать о евреях (июнь 1941 — январь 1943 гг.) // Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». — М., 1998. — С. 125–132.

²⁴ Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи, 1939–1944. — Брест, 1997. — Раздел 4. Антисемитизм и Катастрофа. — С. 172–194.

²⁵ Никитенков В. Антисемитская пропаганда в коллаборационистской периодической печати Брестчины в 1941–1944 гг. // Материалы 7-й ежегодной конференции по иудаике. — М., 2000. — С. 283–289.

²⁶ Жумарь С. Еврейский вопрос в оккупационных изданиях на территории Белоруссии // Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». — М., 1998. — С. 117–125. Перу этого автора принадлежит опубликованное несколько ранее исследование оккупационной прессы в Белоруссии, без выделения темы антисемитской пропаганды в отдельную проблематику (Жумарь С. В. Оккупационная периодическая печать на территории Белорус-

кина (Витебская область)²⁷. В Украине — исследования Ю. Смилянської²⁸, О. Пашиновой²⁹ (Днепропетровская область), Ф. Рябчиковой³⁰ (Луцк), а также автора (Крым)³¹; наименее всего тематика разработана в работах российских коллег (в качестве единственного примера следует привести исследование израильского исследователя В. Дубсона³² об оккупационной прессе Орла и Смоленска).

сии в годы Великой Отечественной войны. — Минск, 1996).

²⁷ Рывкин М. Тема Холокоста в оккупационной периодической печати Витебска // Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». — М., 1998. — С. 120–124.

²⁸ Смилянська Ю. Історія одної редакції (газети «Українське слово» і «Новое українське слово») // Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». — М., 1998. — С. 140–145; *Ее же*. Отражение Холокоста в прессе оккупационного периода на территории Украины // Катастрофа европейского еврейства під час Другої світової війни. Матеріали VII наукової конференції. — К., 2000. — С. 300–304.

²⁹ Пашинова О. «Еврейский вопрос» на страницах оккупационной газеты «Дзвін» г. Крывого Рога: Научно-исследовательская работа открытого студенческого конкурса «История и уроки Холокоста» (К., 2003). В печати.

³⁰ Рябчикова Ф. Ідеологічні засади «остаточного розв'язання єврейського питання» (за матеріалами волинської преси 1941–1944 рр.): Научно-исследовательская работа открытого студенческого конкурса «История и уроки Холокоста» (К., 2003). В печати.

³¹ Тяглый М. Нацистская антисемитская пропаганда в оккупированном Крыму и ее место в системе мероприятий Холокоста // Холокост. Материалы 8-й ежегодной международной конференции по иудаике. — М., 2001. — С. 55–70.

³² Дубсон В. Нацистская антисемитская пропаганда в Центральной России (1941–1943 гг.) // Тень Холокоста. Материалы II международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». — М., 1998. — С. 133–136.

В качестве наиболее позитивной тенденции следует отметить уход исследователей от стремления просто описать наиболее яркие образчики антисемитской продукции и процитировать их к более сложным моделям исследования: например, попыткам обобщить формы, в рамках которых проводилось освещение «еврейского вопроса», и объяснить причины доминирования той или иной модели; создать всестороннюю картину взаимодействия нацистских пропагандистских структур и местных творческих сил; ответить на вопрос об эффективности пропагандистских усилий и т.п.

Интересны попытки некоторых исследователей проанализировать отдельные виды и жанры антисемитских публикаций. Например, Сергей Жумарь по материалам белорусской периодики посвятил отдельную работу рассмотрению коротких информационно-сводок о положении евреев в разных частях мира, составлявших значительную часть в общем массиве материалов: происхождение этих заметок, соотнесение информационных и пропагандистских компонентов в них, степень соответствия содержащейся в них информации реально происходившим событиям³³.

Новой тенденцией также следует считать попытки некоторых исследователей (Д. Олехнович, О. Пашинова) рассматривать нацистскую пропагандистскую деятельность в контексте общей теории ведения пропаганды, использовать теоретические

³³ Жумарь С. Пресса об антиеврейских акциях в Центральной, Южной и Западной Европе (на материалах белорусскоязычной оккупационной периодики 1941–1944 годов) // Материалы 8-й международной конференции по иудаике. — М., 2000. — С. 212–216.

разработки, накопленные на сегодняшний день в смежных дисциплинах (социологии, политологии) по этому вопросу — например, о месте периодических изданий в системе пропаганды, о способах влияния СМИ на массовое сознание.

На сегодняшний день отсутствует работа, в которой бы обобщались данные из различных регионов и проводился сравнительный анализ по различным критериям. Попыткой обобщения в рамках более широкой цели — рассмотрения Холокоста на оккупированной территории Советского Союза — можно считать раздел «Антисемитская пропаганда» в монографии И. Альтмана «Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг.»³⁴. Автор осветил условия возникновения и существования периодических изданий на оккупированных советских землях, охарактеризовал те задачи, которые возлагались на них нацистами, их содержание, степень популярности; место «еврейского вопроса» в изданиях различных регионов (замечая, что существенные отличия в количестве, остроте и жанровом разнообразии антисемитских публикаций свидетельствуют об относительной самостоятельности редакций в выборе методов пропаганды), формы антиеврейской пропаганды (например, особенности отражения темы в рамках различных жанров) и основные клише, использовавшиеся при освещении «еврейского вопроса». Одним из достоинств следует считать то, что автор рассматривает развитие антисемитской пропаганды в динами-

³⁴ Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. — М., 2002. — 544 с. (раздел «Антисемитская пропаганда» — С. 40–57).

ке, прослеживая ее зависимость, появление в ней новых тезисов от событий на советско-германском фронте, от политических событий. Особый интерес представляет подраздел, в котором анализируется степень соотнесения информации в публикациях о судьбе евреев реально происходившим событиям Холокоста и возможность использования газет в качестве источника по истории Холокоста — то есть, рассматривается не пропагандистский, а информационный аспект прессы. Вместе с тем, автор, совершенно справедливо отмечая прагматический характер антиеврейской пропаганды, склонен рассматривать ее назначение именно и только как еще одного (пусть и косвенного) инструментов Холокоста. «Целью антисемитской пропаганды, — отмечает автор, — являлось как привлечение местного населения к истреблению и особенно поиску скрывавшихся и бежавших евреев, так и создание особого психологического климата, на фоне которого открыто совершалось убийство целого народа». При этом без убедительного ответа остается вопрос о том, почему насаждение населению антисемитских ценностей продолжалось и в тех регионах, где еврейское население было быстро уничтожено.

Проследим более подробно обсуждение в литературе такого вопроса, как эффективность (другие исследователи предлагают термины «действенность», «результативность») антисемитской пропаганды. Вопрос об эффективности вытекает из целей, с которыми осуществлялась пропаганда вообще и антисемитская в частности. Основной целью нацистской пропагандистской активности было навязывание населению оккупированных территорий новой системы

ценностей, которая бы характеризовалась лояльностью по отношению к Рейху. Новое мировоззрение должно было занять место старого, довоенного, характеризовавшегося преданностью советскому режиму, комплексу коммунистических ценностей и лично вождю режима. Антисемитизм в этом процессе, по расчетам немецких пропагандистов, был призван сыграть роль удобного инструмента, с помощью которого существовавшее мировоззрение можно было дискредитировать, объявить его чужеродным для русского (украинского, белорусского и др.) народа, и поэтому в большинстве регионов в полную силу использовалась именно доктрина о «жидобольшевизме» как сути советского режима. Помимо этого, разумеется, антисемитская пропаганда имела и вполне прагматические задачи, такие как привлечение местного населения к поиску и истреблению скрывавшихся евреев.

В силу этого сам термин «эффективность» распадается на две части: 1) усваивалась ли оставшимися в оккупации людьми та информация, которая навязывалась им не только со страниц печатных изданий, но и на улицах в виде плакатов, листовок или звуковых потоков из машин с громкоговорителями, в кинотеатрах и на школьных уроках? Какой образ еврейства сформировался у аудитории под воздействием этой активности? 2) были ли эти установки кем-либо восприняты как руководство к действию, как фактор, который в соответствующей ситуации способствовал тому, чтобы спустить курок, или донести в ближайший полицейский орган, или просто отказать в решающий момент в помощи? Иными словами: какая часть аудитории позволила убедить себя в

том, что ее довоенное мировоззрение и идейные принципы были навязаны ей извне небольшой иноэтнической группой, и какая часть из этой части предприняла практические шаги по сведению счетов с теми, на кого ей указывали как на политических, расовых и культурных врагов? Эти вопросы являются одними из наиболее интересных и неизменно встают перед теми, кто касается вопросов об идеологической обработке оккупантами местного населения. В то же время они являются и методологически наименее разработанными. Трудность при определении эффективности упирается в скудность источников и неразработанность критериев, по которым ее можно было бы установить.

В связи со сложностью вопроса «эффективность» многие авторы его не затрагивают. Некоторые авторы предпочитают давать оценки, основанные на субъективной убежденности, не подкрепленной источниками. Так, В. Дубсон и Л. Воловик в исследованиях оккупационной прессы Орла дают диаметрально противоположную оценку эффективности нацистских усилий. В. Дубсон пишет: «антисемитская пропаганда не достигла поставленных целей — хотя и способствовала росту антисемитских настроений после войны». Л. Воловик, напротив, оценивает ее так: «Можно с уверенностью сказать, что благодаря антисемитской пропаганде малосознательные жители Орла за подачки, из страха, или просто так, помогали фашистам искать евреев и передавать их в руки гестапо»³⁵.

³⁵ Воловик Л. Антисемитская пропаганда в Орле (1941–1997) // Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». — М., 1998. — С. 137–140.

В поиске критериев для оценки поставленной проблемы каждый из исследователей применяет самостоятельно найденные им, помещая во главу угла то или иное свидетельство, тот или иной принцип, тот или иной массив источников, порой без критического отношения к ним и без учета того, что только самые разносторонние оценки, собранные воедино и с принятием во внимание места и времени их возникновения, способны дать объективную картину. Например, Ж. Ковба в упоминавшейся монографии «Человечность в бездне ада», дает такой ракурс оценки: поскольку на страницах тех же газет (в дистрикте «Галиция») часто встречались сведения о наказаниях за помощь евреям, и местное население было не безучастным к участи евреев, несмотря на угрозу жестокой за это расправы, то, следовательно, антисемитская пропаганда не была результативной, хотя и прививала галичанам осознание того, что «своя рубашка ближе к телу». А. Даллин в исследовании, посвященном оккупационной политике в Одесском регионе, при анализе газет региона и антисемитских публикаций в них приводит имеющиеся у него послевоенные свидетельства двух бывших авторов газеты о том, что именно регулярные антисемитские публикации вызвали падение спроса на газету «Молва» со стороны местной читательской аудитории³⁶. Интересный метод, основывающийся

³⁶ Dallin A. Odessa, 1941–1944: A Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. — Iasi, Oxford, Portland, 1998. — P. 151–155. Однако это не подтверждается другими данными: по сведениям, сообщенным нам Ю. Смилянской, тиражи газеты «Молва» в этот период росли, а не падали.

ся не на послевоенных оценках, а на рассмотрении морально-психологического состояния населения, оставшегося в оккупации, и свидетельств этого же периода применил А. Гончаренко³⁷. По приводимым им отзывам подпольных организаций Киевского региона о настроениях населения в первые месяцы оккупации «громадное большинство населения в испуге и страхе отказалось от всякой политики и борьбы, прикрывая себя внешней враждебностью к советской власти». По мнению автора, такая обстановка психологического шока свидетельствует о «потенциально больших возможностях, которых могла достичь немецкая пропаганда среди населения». (Интересно, что аналогичный отзыв был оставлен крымским подпольщиком, который так оценивал обстановку в своем регионе: «Тех, которые считают за лучшее переждать, осматреться — авось при фашизме можно будет жить [...] — огромное, подавляющее большинство. Здесь и политически невежественная часть рабочих, и обыватели, и интеллигенция, стоящая в стороне от политики, и вчерашние коммунисты [...], и старики, вечно дребезжащие о прежнем рае...») Думается, это и подобные ему свидетельства описывают оставшееся в оккупации население как частично или полностью деморализованное; в таких обстоятельствах пропаганда в целом и ее антисемитские тезисы могли быстро заполнить идейно-политический

вакуум, образовавшийся после ухода советской власти.

Помимо массива устных свидетельств, которые еще могут быть собраны сегодня (и использованы при критическом подходе к ним), помимо опубликованных воспоминаний, в установлении степени результативности антисемитской пропаганды могут быть задействованы несколько комплексов архивных материалов.

Первая группа источников — документы самих немецких пропагандистских органов. Это документы отделов прессы и пропаганды городских комиссариатов, гебитскомиссариатов, генералкомиссариатов и рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина». Сюда же следует отнести отчеты под грифом службы «Propaganda-Dienst», которые готовились отделом прессы и образования Министерства оккупированных восточных территорий. Кроме того, такая документация сохранилась в структурах Отдела пропаганды вермахта (WPr) при Главном штабе верховного командования вермахта и его подразделений в занятых областях, например, Отдела пропаганды «Украина» (Propaganda-Abteilung U) с его подразделениями (U1 в Запорожье, U2 в Симферополе и т.д.). Сведения о проведении пропагандистской деятельности содержатся зачастую в отчетах ортскомендатур в штабы тыловых областей армий и групп армий. Еще одна структура, принимавшая участие в пропагандистской деятельности — айнзатцгруппы полиции безопасности и СД, в которых также находились пропагандисты. Информация о степени воздействия пропаганды на население содержится в «Отчетах с оккупированных восточных территорий»,

³⁷ Гончаренко А. К вопросу об отдельных аспектах антисемитского характера идеологической обработки населения оккупированных территорий Украины (на примере генерального округа Киев) // *Голокост і сучасність*. — 2003. — № 3(9)–4(10).

направлявшихся из штабов айнзатц-групп в РСХА.

Вторая группа источников связана с деятельностью советских партийно-пропагандистских органов. На освобожденные советские территории «для оказания практической помощи в деле восстановления пропагандистской работы на местах» в 1944 г. командировали из Москвы группы сотрудников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Они побывали в 37 областях и республиках, провели более 600 докладов и лекций. Местное население задавало вопросы, которые фиксировались и были позднее приведены в отчетах на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова³⁸. В бывших партийных архивах различных областей бывшего СССР в документации секторов пропаганды и агитации также хранятся материалы работы этой комиссии с местным аппаратом; зачастую они содержат и сведения об антисемитской пропаганде оккупантов и настроениях населения по этому вопросу.

Третья группа — документы редакций газет, а также отделов городских управлений, которым были подчинены редакции (как правило, это отделы «Пресса» или «Культура» в структуре горуправ). К сожалению,

эти материалы сохранились лишь в редких случаях, однако они порой способны пролить свет не только на вопросы об именах авторов и подготовленных ими материалах, но даже на внутренние противоречия, которые могли существовать «на местах» касательно, например, целесообразности освещения «еврейского вопроса», на случаи отказов писать антисемитские статьи и т.п.

Для возникновения всестороннего обобщающего исследования по теме еще, вероятно, не наступило время. Для этого необходимо, во-первых, более широкий набор региональных работ (существующие исследования далеко не полностью географически покрывают весь ареал, в котором действовали представители тех или иных оккупационных пропагандистских органов, и осталось еще немало «белых пятен»); во-вторых, и что более важно, необходима выработка некоей универсальной методологии исследования, которая позволила бы исследователям региональной прессы обратить внимание на как можно большее количество аспектов темы и взглянуть на нее под различными углами зрения. Для создания такой работы необходимы усилия не отдельного автора, а коллектива исследователей.

³⁸ Документация этой пропагандистской группы хранится в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д. 242.